

★ ВОЙНА ★ Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА ДРАБКИНА

Я ДРАЛСЯ В СТАЛИНГРАДЕ

ОТКРОВЕНИЯ ВЫЖИВШИХ

Артем Владимирович Драбкин Я дрался в Сталинграде. Откровения выживших Серия «Война. Я помню. Проект Артема Драбкина»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4579533

*Я дрался в Сталинграде. Откровения выживших. / Драбкин А.В.: Якуз-каталог; Москва; 2021
ISBN 978-5-00155-251-2*

Аннотация

«Мы были завшивленные, голодные, но в какой-то момент наступило остервенение, я уже не испытывал никакой жалости ни к себе, ни к немцам... Дрались за каждый кусок стены с предельной жестокостью, а по ночам и мы, и немцы выползали вперед или пытались по заводским коммуникациям и туннелям продвинуться – мы, чтобы добыть себе еду и боеприпасы, немцы с целью сбросить нас в Волгу. Постоянные столкновения малых групп в рукопашной.»

«Человек в Сталинграде жил три дня максимум. Я не успевал даже познакомиться с новыми танковыми экипажами, как они гибли. И мы, и немцы осатанели до такой степени,

что, казалось, с обеих сторон воюют смертники, мечтающие побыстрее отправиться на тот свет.»

Эта книга – дань памяти тем, кто выполнил приказ «Ни шагу назад!», выстояв под сокрушительными вражескими ударами, кто сдержал клятву «За Волгой для нас земли нет!» и совершил невозможное, сломав хребет «непобедимому Вермахту», кто выжил «в окопах Сталинграда», чтобы рассказать потомкам о решающем сражении Великой Отечественной войны. Их живые голоса, их «окопную правду» вы услышите в этой книге.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Вакаров Константин Александрович	7
Богацкий Михаил Моисеевич	14
Иванов Алексей Петрович	21
Тугов Петр Григорьевич	28
Константинов Антон Сидорович	33
Гуревич	42
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**ПРОЕКТ
АРТЕМА
ДРАБКИНА**

**Артем Драбкин
Я дрался в Сталинграде.
Откровения выживших**

© ООО «Яуза-каталог», 2020

Вакаров Константин Александрович

*Красноармеец 284-го стрелкового полка 95-й стрелковой
дивизии*

Что мы там пережили, просто нет таких слов все это описать... По уровню жесточенности боев со Сталинградом и рядом ничего не стоит, во всяком случае из того, что я лично видел и пережил. Ведь там, например, когда просто шел, то под ногами раздавался хруст, не даром после войны на некоторых участках с одного квадратного метра собирали по десятку килограммов пуль и осколков... Когда потом вспоминал Сталинградские бои, то даже самому не верилось, что все это было с нами...

А как мы переправлялись в Сталинград... Мне казалось, что этой переправе не будет конца... Столько людей тогда потеряли, очень много, ведь немцы по нам сыпали и сыпали... Переправляться предстояло на каких-то старых раздолбаных лодках, но когда мы их только увидели, то всем нам, особенно тем, кто не умел плавать, стало не по себе... Ведь все они были сплошь дырявые, и дырки приходилось затыкать или пилоткой, или чем-то еще. Командиры нас пытались успокоить, и приказали набить плащ-палатки соломой, но это же глупость. Во-первых, они мало у кого были, а во-вторых, это Волга, а не какая-то там речушка...

А что творилось в самом Сталинграде... Каша, настоящая каша, из руин и людей... Часто бывало, что в доме на одном этаже располагались немцы, а на другом мы. Нет, картину Сталинграда, вернее, то, что от него осталось, очень трудно, просто невозможно описать словами.

Что запомнилось? Ну, например, такая история. По-моему, еще где-то поздней осенью 1942 года немцы на парашюте нам сбросили еврея. Да-да, самого настоящего пожилого раввина. Поверьте, эту историю я вам не пересказываю с чьих-то слов, а все это лично видел собственными глазами, потому что он приземлился в наше расположение.

Прямо средь бела дня, помню, мы еще удивились, что стало непривычно тихо, вдруг появился немецкий самолет и сбросил кучу листовок и кого-то на парашюте. Все к нему побежали, оказалось, пожилой еврей. Лет пятидесяти, седые волосы, руки связаны, а при нем немецкое послание для нас: «Посылаем вам одного из ваших руководителей. Мы с нашими дошли до Сталинграда, а вы со своими еще неизвестно где окажетесь... Не зря говорят, что эти люди продали Иисуса Христа. Посмотрите, как они живут и как вы...», что-то в таком духе.

Вообще немцы в Сталинграде очень активно агитировали нас сдаваться в плен. Разными способами: и листовками, а по ночам даже по громкоговорителю нас уговаривали. И однажды произошел такой случай. В плане снабжения мы там жили очень туго: или одна картошка на день, или пачка концентрата на двоих, а это ведь всего 200 граммов... Кстати, именно на обертке от пачки горохового концентрата мне в медсанбате выписали справку о ранении. Так вот, мало того, что жили мы, прямо сказать, туговато, так находились же еще такие сволочи, которые нас обворовывали.

Например, наш старшина водку нам стал выдавать, отмеряя норму мензуркой, предназначенной для выдачи махорки. Она тоже вроде как на 100 граммов рассчитана, но на самом деле жидкости там помещается меньше. До поры до времени мы и не знали, что он нас обманывает, ведь обычно питание выдавалось ночью, в темноте, но потом кто-то увидел, что этот старшина, ездовой и повар, что ли, играют в карты и пьют при этом водку, и, видно, не выдержал и сообщил куда следует. Но старшину кто-то, наверное, предупредил и он, не будь дурак, не стал дожидаться трибунала. Ведь на фронте суд какой? Приезжала машина. В ней за пять-шесть минут писали приговор и хорошо, если в штрафную роту, а то могут и сразу «по закону военного времени».

И уже на следующую ночь мы услышали его голос с немецкой стороны по громкоговорителю: «Ребята, то, что нам комиссары запузыривали, это все херня! Немцы меня прекрасно встретили, хорошо покормили, а завтра сделают документы и отправят на родную Украину. Так что переходите, пока не поздно. Что здесь делается, все на танках...» И таких, как он, было дай боже...

Помню, еще в самом начале боев за город, иду по какой-то улице, с правой стороны все дома горят, а слева – половина. Кругом пожары, а я подобрал какую-то книжку, ведь я же книг в своей жизни и не видел почти, и думал при случае почитать. А у меня в то время был близкий приятель, с которым я всегда всем делился, и доводилось даже из одного

котелка есть. И вдруг я вижу, что он выходит из одного дома с мешком.

– Зачем тебе эти вещи? – спрашиваю.

– Подожди, Костя, у меня мало времени.

Сбрасывает гимнастерку и начинает при мне переодеваться в гражданское.

– Вася, ты что?

– Все, надоело, поеду к себе в Астрахань. А нужен буду, так еще раз призовут. Хочешь, идем вместе, – и ушел...

Честно признаюсь, у меня руки просто чесались дать по нему очередь...

Богацкий Михаил Моисеевич

*Командир взвода 118-го гвардейского стрелкового полка
37-й гвардейской стрелковой дивизии*

Когда нас перебросили под Сталинград, то первые полтора месяца мы провели в относительно «спокойном месте». Мы прошли станицу Качалинскую и заняли господствующие высоты по берегу Дона. Против нас действовали в основном румынские части, и первые бои на Сталинградской земле были для нас не самыми тяжелыми, мы не понесли очень серьезных потерь. Но в конце сентября мы передали свои позиции сменщикам и на машинах нас повезли куда-то в северном направлении, а потом колонна дивизии вдруг сделала резкий поворот вниз и нас привезли в Сталинград, мы оказались в местечке Цыганская Заря, на восточном берегу Волги, где два дня готовились к переправе через реку. Мы не представляли в какую «мясорубку» нас бросают. Слева от нас по течению реки горели нефтяные баки, и горящая нефть разлилась по Волге, сам Сталинград был весь закрыт черным дымом, город бомбили без передышки и эта страшная картина – горящая река и сплошная стена дыма над городом – уже никогда не исчезала из моей памяти. Ночью на катерах нас перевезли на западный берег, и целый день мы просидели под высоким берегом в ожидании дальнейших приказов, а в это время немцы несколько раз бомбили наше расположение. Я тогда не знал, что мы находимся в Заводском районе города, там, где расположен Сталинградский тракторный завод. Ночью 5 октября пришел ротный и передал, что нам поручено провести разведку боем в районе больницы Ильи-

ча.

Мы поднялись на берег и увидели горящее четырехэтажное здание больницы, которое стояло торцом к реке. Из-за огня пожара все окрестности больницы были освещены, как будто дело было днем. Мы медленно стали пробираться вперед, пока нас не начали обстреливать с разных сторон. Дошли до какого-то кирпичного сарая. И тут немцы ударили по нам слева и сзади. Одна из пуль, ударившись о кирпичную стену, срикошетила мне в голову, попала в лоб по касательной.

Я почувствовал сильнейший удар в голову и опустился на землю. Ладонь поднес ко лбу, и сразу вся рука покрылась кровью. Меня перевязали. Мы стали отходить под обстрелом на исходные позиции, тут возле меня разорвался снаряд и четыре осколка попало мне в ноги.

Я упал, затем попытался подняться на ноги и не смог. Стал ползти вдоль здания больницы, прямо по горящим падающим балкам перекрытий, и был в этот момент у немцев как на ладони.

Думал, что все, уже не выберусь, но меня заметил мой ординарец, и вместе с еще одним бойцом они выскочили из укрытия и дотащили меня до ближайшей воронки, а потом перенесли чуть дальше в тыл. Я оказался на берегу Волги, два ранения в ноги были легкими, а два – тяжелыми, с переломами костей, но что самое обидное, мне полностью раздробило голень правой ноги.

Нас, раненых, положили прямо на землю на берегу Волги, на открытом месте. Раненые лежали рядами. Меня всего знобило от холода и от потери крови.

Увидел девушку-санинструктора, спросил ее: «Сестра, что же мы лежим на открытом пространстве? Сейчас немцы налетят, нам всем здесь хана настанет» – «А куда я вас всех дену?! Вечером других в блиндаж отнесла, а их накрыло прямым попаданием!» Целый день мы лежали на берегу. Нас несколько раз бомбили, по берегу била артиллерия, добивая раненых. Легкораненые, те, кто смог передвигаться, вжались в стенку обрывистого берега, а мы, тяжелораненые, лежали у кромки воды и ждали каждый своего осколка, который избавит от страданий. И в эти минуты я, убежденный атеист, впервые в жизни обратился к Богу: «Боженька, спаси и сохрани!» Только когда стемнело, к нам подошли санитары, проверяли, кто еще жив, и живых несли на носилках на подошедшие с левого берега катера Волжской флотилии, на которых переправляли раненых. На том берегу нас сразу положили в кузова «полуторок» и повезли в ближайший госпиталь, в Ленинское.

Меня взяли на операционный стол, а потом стали накладывать гипс. В этот момент случился немецкий авианалет и санитар, державший мою ногу на весу во время наложения гипса, со страху «бросил» мою ногу и залез под стол, а я от страшной боли просто взвыл, вся операция пошла на смарку. Из Ленинского меня перевезли в село Солодовка, где

находился полевой сортировочный эвакуогоспиталь, в котором концентрировали раненых из комсостава. Большинство из тяжелораненых отправляли на санлетучках в тыловые госпитали, а тех, кто считался нетранспортабельным, лечили на месте. Раненых разместили по крестьянским избам, кто лежал на носилках, кто на соломенных матрасах, в одной комнате в избе-пятистенке рядом со мной лежало еще шесть раненых офицеров. Лежим, лечимся, от вшей под гипсом такой зуд, что словами не передать.

В мае 1943 года меня перевели в куйбышевский госпиталь, откуда я выписался только в июле.

Иванов Алексей Петрович

Командир взвода батальона автоматчиков 24-й гвардейской стрелковой дивизии

В армию меня призвали 31 августа 1942 года. Из призывников нашего района отобрали восемнадцать ребят со средним и семилетним образованием и всех нас направили в тамбовское пулеметное училище, в котором готовили младший офицерский состав.

Учились мы очень и очень напряженно, а вот питание было неважное. Я помню, что у меня, крепкого деревенского парня, от недоедания и перегрузок стала постоянно кружиться голова. Ходил и, как пьяный, шатался.

Где-то в начале ноября весь личный состав училища подняли по тревоге и направили на тактические занятия на южную окраину Тамбова. Пока дошли туда, таща на себе пулеметы, пока целый день прозанимались – вымотались просто страшно. К концу дня расположились в какой-то деревне южнее Тамбова. Купили у хозяйки ведро картошки и только собрались ее приготовить, как вдруг из училища явился посыльный с приказом как можно быстрее вернуться в расположение. Командиры нас тут же подняли и повели, причем не по дороге, а напрямик. Но после такого напряженного дня марш дался нам очень тяжело. Многие из нас дошли из последних сил.

Вернулись в училище к четырем часам утра и получили приказ сдать личные вещи: матрац, одеяло, личное оружие. Все сдали, нас построили на плацу и продержали на нем целый день. Только вечером нас куда-то повели. Прошли ми-

мо старого корпуса пединститута и вышли на рассказовскую дорогу. Ну, все понятно, значит, в Рассказово идем.

Только к утру туда пришли, и оказалось, что в Рассказово формировалась, по-моему, 24-я гвардейская стрелковая дивизия. Меня определили служить в батальон автоматчиков. Нас очень хорошо, прямо капитально обмундировали и где-то недели через две погрузили в эшелоны и отправили на фронт, как оказалось, под Сталинград.

Помню, что доехали к вечеру. Кругом голая степь, солнце заходит и очень сильный мороз. Неподалеку стоял какой-то домик, в котором мы немножко обогрелись и в ночь пошли маршем. Уже после войны, читая историческую литературу, я узнал, что нашу 2-ю Гвардейскую армию бросили на уничтожение окруженной группировки Паулюса.

Марш получился длинным и невероятно тяжелым. Почти по двадцать часов в сутки мы шли в полном боевом снаряжении. Каждый солдат нес на себе автомат, два запасных диска с патронами, гранату, саперную лопатку, противогаз, вещмешок, котелок, каску, да еще и лыжи. И вот с такой нагрузкой мы шли несколько суток. Спали прямо на ходу, а когда устраивали привал, то солдаты тут же валились как снопы, и поднять их было очень тяжело. Но тут уже командиры взводов не церемонились, подходили и пинками в бок поднимали спящих солдат.

Не помню сейчас, где точно, но мне кажется, в деревне Васильевка нам дали небольшой отдых, не более суток. А

потом опять вперед...

И опять невыносимый затяжной марш в направлении Котельникова. Оттепель сменялась морозами до 30 градусов, ураганные ветры, тылы отстали... В те дни нам выдавали всего по два обыкновенных сухаря. И еще ложка сахара – вот и весь рацион на целый день! А там же степи. Равнина с оврагами, бурьян, поэтому во время привалов обогреться или укрыться было просто невозможно. Для того, чтобы хоть как-то переночевать, солдаты поступали так. Разбивались на группы человека по три и рыли подковообразный ровик в подветренную сторону. Прямо на снег стелили плащ-палатку, ложились на нее, плащ-палатками накрывались и так, тесно прижавшись друг к другу, пытались отдыхать. Но на таком морозе лежать выдерживали не более часа. Потом, замерзнув, вскакивали и начинали бегать по оврагу или по балке. После такого разогрева опять ложились в ровик с той лишь разницей, что тот, кто раньше лежал с краю, теперь ложился в середину. Вот так мы спали...

И прямо с марша нашу дивизию ввели в бой. Ориентировочно это произошло где-то на подступах к Котельникову. Потом в мемуарной литературе немецкие генералы писали, что именно это сражение на малоизвестной реке Аксай под Котельниковом оказалось решающим для судьбы Германии. А наш полк на рассвете бросили в бой прямо с марша. Но мы сразу попали под сильный минометный огонь, и осколками мины, разорвавшейся от меня в нескольких метрах, мне

перебило ноги. И получается, что я выбыл из строя, практически не поучаствовав в боях. До конца прошел с товарищами этот тяжелейший марш и в первом же бою получил тяжелое ранение в ноги... Но кто знает, может, эта мина и спасла мне жизнь. Ведь в этом училище нас, земляков из Никифоровского района, училось восемнадцать ребят, и, как я потом выяснил, в живых нас осталось всего двое... А остальные шестнадцать погибли...

Я попал в госпиталь города Сатки, что в Челябинской области, где пролежал около четырех месяцев. После госпиталя меня решили направить на учебу в минометное училище, но я уже так «наелся» своим тамбовским пулеметным, что отказался и попросился в боевую часть.

Тугов Петр Григорьевич

*Водитель установки ГМЧ «Катюша» 334-го гвардейского
отдельного минометного полка*

По первости в составе 334-го гвардейского отдельного минометного полка мы оказались под Харьковом, от которого наши войска находились на расстоянии 8—10 километров. Стояли мы где-то возле большого чистого поля. Посмотришь, бывало, в бинокль — все видно. Силы наши начали иссякать, и мы вынуждены были начать отступление. Немцы постоянно нас бомбили, поэтому днем, как правило, стояли в лесах, а вечерами отступали. Шли где как: когда с боями, а когда и обходилось. Так все время продвигались. Потом нас довели до станции Ванновки, которая располагалась в 50 километрах левее Сталинграда. Начались бои. Я тогда был шофером «Катюши». Наш полк состоял из трех дивизионов. В этих боях два дивизиона потеряли много машин, а наш остался целым. Тогда нам было приказано передать оставшиеся машины тем частям, которые находятся на фронте, а самих отправили обратно в Москву. Там, в Москве, мы немного пожили, потом оттуда по приказу съездили за машинами в Горький, перевезли ящики снарядов. Потом нас с техникой погрузили и отправили в Ленинград, а оттуда — прямо под Сталинград. Выгрузились мы у Волги недалеко от Саратова. Там нас перегрузили на паром-пароход и повезли до самого Сталинграда. Когда мы прибыли в Сталинград, то целый день на одном месте стояли. Бомбежек пока не было, все было тихо и спокойно. А стояли мы по такой причине: около самого города было невероятное столпотворение, по-

явилось очень много машин, ни пройти ни проехать. Наш отдельный полк относился к 3-му механизированному корпусу. Потом он получил почетное наименование «Сталинградский».

А утром, как только проснулись, первым делом проговорили из своих «катюш». Тогда под Сталинградом ночи были короткими, а дни – длинными. Так мы как только дали удар по противникам, они начали сразу сдаваться в плен. Тогда немцев там было мало, в основном это были другие национальности, которые за них воевали: чехи, венгры, молдаване, румыны. Они прямо целыми ротами сдавались. По одежде было видно: совсем другая форма, не такая, как у немцев. Мы начали постепенно двигаться вперед, прошли Каменный Яр и Капустин Яр, Комсомольск, потом еще другие какие-то небольшие города, которые были набиты гитлеровцами, а потом дошли до самого Сталинграда. Стояли мы в Бекетовском районе – это пригород Сталинграда. Там мы, кстати, одну «катюшу» потеряли. Это так получилось. Скажем, стояли мы отдельно: рота ПТО, зенитчики, хозяйственная и штабная техника. А мы отъехали в сторону, где какая-то балка находилась, поставили свои боевые машины, ударили по немцам и сразу же поехали. Но немец одну из наших «катюш» заметил и накрыл точным попаданием снаряда. Мы только успели отъехать. «Катюша» загорелась прямо у нас на глазах. Пять человек погибло. Было очень страшно! Это случилось перед Новым годом где-то. Потом пошли сильные морозы.

Некоторые, конечно, поотморозились. А 3 февраля закончилась битва за Сталинград.

Чем запомнился Сталинград? Могу сказать только одно: город был разбит и разрушен.

Константинов Антон Сидорович

Командир 1-го взвода минных заграждений и особой техники 3-й роты 152-го батальона 16-й отдельной инженерной бригады спецназначения

До Камышина доехали поездом, а там нам сказали: «Пароход на Сталинград пойдет только через шесть часов». А мы же молодые, кровь кипит, чтобы не терять времени даром, решили пойти на танцы, на местную танцплощадку. Отлично провели там время: танцевали, шалили, баловались, но человек шесть так увлеклись этим весельем, что опоздали на пароход. Бросились нас догонять на попутном транспорте и, как нам потом рассказали, по дороге напоролись на немцев и все погибли... Это были самые первые потери в нашем взводе...

А мы поплыли в Сталинград на пароходе «Володарский», насколько я знаю, последнем большом судне, которое смогло дойти в город. Плыли в полной темноте, потому что немцы бомбили просто беспощадно. И когда все-таки доплыли и пошли к коменданту, он нас «порадовал»: «Ваша часть формируется на том берегу, но я вас сейчас туда отправить не могу. Ждите до вечера!» А ведь фашисты уже находились на подступах к городу, и мы же сами видели, что десятки немецких самолетов буквально непрерывно висели в воздухе, бомбили все живое, и Сталинград в полном смысле слова горел...

Но все-таки переправились, и меня назначили командиром 1-го взвода минных заграждений и особой техники 3-й роты 152-го батальона 16-й отдельной инженерной бригады спецназначения. Всего во взводе было пятьдесят бойцов: я,

помкомвзвода и четыре отделения по двенадцать человек. И вскоре нас перебросили на правый берег Волги, на северную часть Сталинградского фронта в состав 62-й армии Чуйкова. Но после того как немцы разрезали наш участок на две части, наша бригада оказалась в составе 66-й армии Донского фронта. И вот там мне довелось воевать пять с половиной месяцев, пока меня не ранило.

Все это время мой взвод постоянно находился на передовой, где нас придавали разным частям, и все это время мы почти всегда выполняли одно и то же задание – минировали танкоопасные участки.

В оборонительный период укрепляли линию обороны на случай возможного наступления немцев. По установленному порядку я должен был нанести на карту минное поле и передать данные в штаб батальона, и вначале это делалось очень четко. Однажды даже был случай, когда я нес данные в штаб, и вдруг за мной увязался немецкий самолет. Начал меня обстреливать, летчик, видно, решил немного поразвлечься, но так и не попал.

Работали большей частью ночью. Как правило, место расположения минных заграждений определял не я, а общевойсковой командир на уровне командира батальона. Сколько же мы там мин установили... Но вот сколько на них подорвалось немецких танков точно, конечно, не знаю, хотя один случай могу рассказать.

В одном месте, когда наши пошли вперед и захватили две

высотки, пехотный командир мне приказал: «Ты мне проходи между ними заминируй, потому что немецкие танки тут обязательно попробуют прорваться к нам в тыл!» И точно. Мы еще даже не закончили устанавливать мины, как вдруг видим, что вдалеке из леска один за другим выезжают немецкие танки. Стали считать – 15 танков... И вначале они шли как будто параллельно линии фронта, но, используя складки местности, оказались у этой балки, в которой мы заканчивали установку мин. Но первые же два танка подорвались на наших минах. Вся колонна, конечно, остановилась, потому что места для маневра у них не оставалось, и тут артиллеристы подбили еще два танка. Вот так четыре танка остались перед нашим минным полем, а остальные отошли...

А незадолго до этого произошел такой эпизод. Когда мы еще только устанавливали мины и видели, как немцы подходили все ближе и ближе, я отдал приказ взводу отойти чуть назад, а там оставил одного бойца, чтобы он подорвал электроуправляемый заряд. И этот отчаяннейший человек остался в замаскированной траншее и действительно подорвал заряд, правда, чуть промахнулся. Но и этого хватило, чтобы немцы остановились и отступили.

Был и еще один эпизод. Появились большие силы немцев, мой взвод не только не отошел назад, но даже выдвинулся чуть вперед. За три ночи мои минеры успели установить 559 противотанковых мин и тем самым помогли пехотинцам за три дня отбить четыре немецкие атаки. Это всего лишь эпи-

зод, а я находился на передовой больше пяти месяцев и буквально каждый день занимался боевой работой... За это время мы установили и сняли огромное количество мин, и все это под обстрелом, под бомбежкой, так что чего там только ни происходило, сколько было всяких случаев...

А ведь всем этим приходилось заниматься в страшные морозы. Помню, мне как-то утром говорят: «Лейтенант, у вас борода белая!» И я сразу бросился оттирать подбородок снегом... В другой раз кричат: «Лейтенант, щека белая!» Но вот вспоминаю то время и сам удивляюсь. Ведь я никогда не думал о том, как нам невыносимо тяжело, о том, что невыносимо холодно. Нет, всегда бодрые, боевые, всегда чем-то заняты, а молодая и горячая кровь и напряженные нервы не позволяли нам болеть. Я не помню ни одного (!) случая, когда бы кто-то из моих бойцов пожаловался на недомогание или простуду. Как-то помогала согреваться в морозы и водка, ведь нам выдавали «наркомовские» сто граммов. Но я же был совсем молод, всего девятнадцать лет, неискушен и вообще не пил, а отдавал свою норму бойцам. Правда, на фронте я пристрастился курить и курил очень много. И только 1 мая 1953 года взял и раз и навсегда бросил, потому что и кашель у меня уже был, да и врачи предупреждали, что нужно побережь легкие.

Так что чего мы только ни пережили на фронте. Например, однажды приключился такой эпизод. Как-то еще в оборонительный период нам дали очередное задание – при-

крыть минами опасный участок. Когда наступила ночь, я взял с собой командиров отделений, и мы пошли осмотреть местность, чтобы продумать, как это лучше сделать. Шли спокойно, но видимость была отвратительная, стояла непонятная дымка, и вдруг в один момент увидели какие-то силуэты перед собой. Мы сразу залегли, и оказалось, что это немецкий танк и сильное боевое охранение, которые были выдвинуты вперед... Но немцы нас все-таки слышали и тут же открыли беспорядочный огонь, поэтому пришлось срочно возвращаться обратно. Вваливаемся в окопы, стряхиваем с себя снег, а тут вдруг стоит мой командир роты, которого я увидел впервые за долгие месяцы. Ведь мой взвод постоянно придавали разным подразделениям, а дважды случалось и так, что делили его на две части и отправляли в разные места, так что нашего командира роты я все это время и не видел. Спрашивает меня: «Ты живой?» – «Живой!» – «Ну, здорово! Поздравляю, тебе присвоено звание лейтенанта!» Вот так я узнал, что мне присвоили звание лейтенанта.

В общем, я считаю, что совсем недаром по итогам Сталинградской битвы нашей героической бригаде было присвоено звание 1-й гвардейской инженерной бригады спецназначения. Но я гвардейцем стать не успел, потому что попал в госпиталь.

Ранило меня 19 января 1943 года, когда мы участвовали в наступлении в полосе все той же 66-й армии, и, как обычно, нам поставили задачу прикрыть очередной участок. Мой

взвод на санях выдвинулся к месту, где должны были установить минное поле. Причем двигались браво, смело, ведь кругом чистое белое поле. И когда двигались, по нам вдруг раздался выстрел. Я тут же скомандовал «Ложись!», и оказалось, что под подбитым танком сидел снайпер, во всяком случае, стреляли оттуда одиночными выстрелами. Буквально рядом со мной стоял командир одного из отделений, ленинградец, я даже запомнил его фамилию – Харитонов, и этот снайпер, видно, посчитал, что именно этот высокий парень и есть командир. Выстрел, и Харитонову, который, повторюсь, стоял рядом со мной, разворотило весь живот... Его оттащили метров на двадцать, и там он умер... А такой красавец был, чуть постарше меня...

Все залегли, а ведь нужно выполнять задание, но немец не давал нам поднять головы. Между нами было метров сто всего, но приблизиться к танку, чтобы бросить гранату, мы не могли, потому что кругом чистое ровное поле, степь. Тогда мы начали стрелять. Я лежа дал очередь из автомата, потом другую, но потом так осмелел, что даже привстал на колени и стал строчить. Наступила тишина, и только я начал думать что делать, как в этот момент получил пулю... Но снайпер совсем чуть-чуть промахнулся, потому что, видно, поторопился. Пуля прошла через кисть и запястье правой руки и по касательной прошла через бок, пройдя всего в двух сантиметрах от печени.

Меня перевязали, но, что странно, немец больше не стре-

лял. С такой рукой я, конечно, был не боец и меня отправили в медсанбат, который располагался в Дубовке. Но больше всего запомнилось то, что в рану мне попала шерсть из перчатки. Вы представляете, что я испытывал, когда мне ее чистили?

Гуревич

Павел Григорьевич (Гиршевич)

*Командир батареи 88-го гвардейского минометного полка
«катюш»*

В Сталинграде уже похлеще было, чем под Москвой. Прибыл я туда в конце июля, битва тогда только начиналась. Мою батарею сразу включили в состав 62-й армии Василия Ивановича Чуйкова. Это командующий от Бога, что называется. Без него мы фрицев под Сталинградом не победили бы. Лично я с ним, к сожалению, не соприкасался. Сами понимаете, фигура такого масштаба! У него в штабе было полно людей, и с нами, минометчиками, работали, конечно, офицеры званием пониже. Но зато я не раз слышал от командиров стрелковых частей, что Василий Иванович появлялся буквально на передовой в решающие моменты сражения. Это, конечно, воодушевляло очень здорово. Ну а наши-то части в основном из тыла огонь вели. Очень берегли в то время «катюши», боялись, что они в руки немцам попадут.

И вот доставили нас в железнодорожном составе под Сталинград. Выгружаться мы начали на полустанке около станции Миллерово. Там нас ждал взвод охраны. Ситуация была сложная: немцы уже в нескольких километрах от Миллерова находились. Прибыл офицер, говорит мне: «Ваша батарея поступает в распоряжение 62-й армии». Ну, что ж, армии, так армии. Мое дело маленькое. Оставил я батарею на своего смершевца и командира взвода. Охрана с ними тоже осталась, конечно. А сам поехал в штаб армии получать задание. В штабе меня принял какой-то генерал. Говорит: «Майор разведки укажет вам место расположения батареи».

Заехали мы с этим майором в балку в районе поселка Калач (сегодня это большой красивый город). Это был один из самых ответственных участков. Я сразу думаю: «Здесь позицию надо хорошо выбирать, а то голову быстро оторвут!» Связались мы с командиром стоявшей рядом дивизии. После этого я говорю майору: «Ну, пошли позицию выберем. Надо как-то обезопасить батарею и выбрать, в какой балке ее разместить». «Нет, сначала обед», – возражает он. «Какой обед? Без него переживем». «Нет, я уже сутки ничего не ел, пообедать надо, – говорит майор. – У меня с собой есть кусок хлеба, банка тушенки и бутылка воды. Давай перекусим!» А я и сам как утром уехал из батареи, так тоже ни крошки во рту не было. Подкрепились, даже на душе легче стало. Пошли выбирать позицию. Нашли мы подходящее место. После этого он связался по радиии, доложил. Минут через двадцать мы вернулись на прежнее место. Тут уж и машина за майором пришла. Оставил он мне радиста. Говорит: «Будешь с нами связь держать». Уехал майор. Я с помощью радиста дал в батарею зашифрованную радиограмму о своем месте нахождения. Там тогда без шифрования было никуда, немцы все наши радиосообщения перехватывали, у них разведка хорошо работала. Вскоре мне ответная шифровка пришла, радист перевел ее, говорит, что все нормально, выезжает батарея.

Подъехали ребята. Стоим мы, стемнело уже. И вот поначалу все тихо было, только где-то вдали слышалась пере-

стрелка. А потом посреди ночи немцы как открыли по нашим войскам, стоящим впереди, ураганный огонь. Страшное дело! Меня вызывают к телефону. Слышу приказ: выезжай в такой-то район, чтобы к утру батарея была в боевой готовности. Мол, данные подготовишь, а цели мы тебе дадим, куда стрелять. Только я положил трубку, как мне уже снова звонят и другой приказ сообщают. Дают мне цель неподалеку от нашей балки. Я думаю: «Вот хорошо, и ехать никуда не надо». Начал готовить данные. По дальности я уже прикинул расстояние, там что-то около пяти километров было. Подготовить все надо было безошибочно: на этом участке наши и немецкие войска очень близко друг к другу находились. Проверил я свои расчеты, звоню по телефону, докладываю, что батарея готова произвести залп. Мне командуют подождать, залп пока не производить. После этого вдруг прилетает ко мне командир полка, приказывает: «Пойдем быстренько на наш наблюдательный пункт, оставляй на батарее командира взвода за старшего». До наблюдательного пункта было около километра. Дошли мы туда, смотрим. Полковник этот мне объясняет: «Вот, видишь, что здесь делается. Сюда надо дать посильнее огонька». А там у немцев и укрепления, и техника – чего только ни было: и танки, и живая сила. Но если «катышами» ударить по ним, так из них просто каша будет! Я быстро позвонил к себе на батарею, передал им данные.

После этого командир полка мне говорит:

– Беги обратно на батарею, все проверь, чтобы ударить по

ним, так ударить!

— Ладно, мы по ним хорошо ударим, — говорю. — Я половину снарядов на фугас поставлю, половину на осколочные, чтобы и фрицам, и технике досталось.

— Вот и замечательно. Минут через пятнадцать-двадцать дать залп сможешь?

— Постараюсь. — Там местность песчаная, ровная, а я молодой был, бегал быстро. Домчался, спрашиваю у своих:

— Данные подготовили, которые я вам дал?

— Да, все готово, товарищ комбат.

Я стал проверять данные по первой и второй установке, а проверять третью и четвертую поручил своему командиру взвода. Все отлично, я звоню на наблюдательный пункт, докладываю, что через пять минут дам залп. Полковник доволен, говорит, что будет смотреть с наблюдательного пункта, что у фрицев будет твориться. И вот, как дали мы! Немцы ни черта не ожидали, что по ним так ударят! Перемесили мы у них там все. Все в воздух взлетало, земля горела, металл плавился. У них такой переполох был! Видя это, наша пехота приободрилась и сразу после залпа пошла в атаку. Батарею после залпа я сразу отвел на новое место, потому что немецкая воздушная разведка наверняка же засекала ее местонахождение.

Потом полковник снова звонит мне, вызывает к себе. Я пришел, к этому времени как раз затишье наступило. Он рассказал мне о результатах моего залпа. В Сталинграде, к со-

жалению, мы много залпов давать не могли. У нас ограниченное количество снарядов было. Правда, уже через пару дней мне сообщили, что в таком-то районе есть боекомплект на два-три залпа, надо только доставить. Я сразу доложил об этом командиру полка: мол, у меня техники нет, давайте технику. Снаряды ведь непросто было доставить: каждый по 50 килограммов, два снаряда в ящике. И вскоре получили мы эти снаряды. Посидел я тогда немного у полковника, потом отправился назад. К этому моменту опять стрельба началась со всех сторон. Он даже сказал мне: «Если связь из-за чего-то прервется, сразу бегом беги ко мне, знаешь дорогу».

Вернулся к своим. Пока задания нет от командира полка, надо ребятам дать передышку, чтобы они хотя бы пообедали. Накормил их старшина. Старшина у меня был толковый – татарин Мингазов Мансур Мингазович. Он после войны жил в Татарстане, два года тому назад получил квартиру (президент Татарстана распорядился) и умер почти сразу после этого – через месяц. А до этого мы все время переписывались с моим старшиной. К слову, из Татарстана у меня был еще командир орудия Тахтаров. А шофер у меня был грузин Джаварнадзе. Разных национальностей были ребята, но все честные, ответственные, со мной считались. Я был так ими доволен, что иногда, когда чувствовал, что ребятам надо дать выпить, то даже свою водку им отдавал и старался, чтобы старшина им выдал что-то дополнительно. Он вообще у меня был скуп на это дело, особо водкой их не бало-

вал. Смершевец в таких случаях говорил мне: «Ты поаккуратнее, мало ли что». «Ничего, сейчас можно», – я устраивал им такие праздники, только когда действительно было можно. Надо ж было ребят повеселить как-то. А со смершевцем мы оба отвечали за то, чтобы наши ребята не напивались. Случись что, нас обоих к стенке бы поставили, время ведь сталинское.

Но вернусь к своему рассказу. Накормил старшина ребят и даже по сто граммов им выдал. Так доволен был, когда о результатах залпа узнал. Правда, тут даже я немного недоволен был. Все-таки нам в любую минуту могли дать команду новый залп готовить. Но ребята молодые были, им сто граммов – что слону дробина. Что еще сказать на эту тему? Водку мы выдавали бойцам не каждый день. Умные командиры вообще выдавали ее своим солдатам только перед атакой, перед наступлением, ну и в выходной день, если затишье. Водку старшина получал из стрелковой части, которую мы поддерживали. Он ездил туда раз в неделю. Продукты тоже оттуда привозил. Офицеры получали наркомовский паек: сахарный песок, масло сливочное, крупы, табак или папиросы, «Беломор-канал» или «Гвардейские», иногда «Казбек». Большую часть своего пайка я отдавал своим солдатам. Зачем мне все эти продукты были? – а они физически работали, снаряды таскали. Я чувствовал, что им это нужнее, а они за это берегли меня. Солдаты получали махорку. Насколько я помню, в Сталинграде это витебская махорка была. Солдат, надо ска-

зять, мы кормили хорошо, старшина старался доставать.

Уже в ноябре немцам очень здорово доставалось. 23 ноября Юго-Западный фронт должен был соединиться со Сталинградским около поселка Калач. Там мы как раз замыкали кольцо окружения, в котором оказались главные силы гитлеровской группировки. Мне об этом сообщили, когда я пришел на наблюдательный пункт. И пехота на нашем участке должна была пойти в атаку точно после залпа нашей батареи. Артподготовка тогда с нашей стороны была мощная – минут сорок длилась, аж было небо в зареве, как будто горит все! И вот через сорок минут я дал залп в глубь позиций противника. Я старался залп очень чувствительный дать, чтобы деморализовать немцев окончательно. Так и получилось – их ведь сначала артиллерия долбила, потом еще и «катюши». А после этого сразу пехота в атаку – по нашему сигналу. Причем пехотинцы даже с оркестром наступали, чтобы окончательно врага деморализовать. Знамена развеваются... И удалось тогда нашим пехотинцам разорвать южную и северную немецкие группировки под Сталинградом. Вот тут уже чувствовалось, что идет к победе.

Самое интересное, пригласили меня недавно выступать перед телевизионщиками в Музей Великой Отечественной войны. А там вместе со мной выступал один подполковник. Оказалось, он как раз тогда в пехоте на моем участке служил. Он так обрадовался: «Так, оказывается, это по сигналу твоей батареи мы в наступление пошли!»

Но, вообще, из-за дефицита снарядов нам удавалось производить залпы гораздо реже, чем хотелось. К примеру, за весь январь 1943-го моя батарея сделала только восемь залпов. 31 января 1943 года сдалась южная группировка и сам Паулюс. Гитлер как ни старался, подкрепления им бросал, воздушный мост организовал, но ничего у него не вышло, только самолетов много потерял. А когда 2 февраля уже и северная группировка была разбита, тут по всей Германии траур был. Пленные немцы шли колоннами, как стадо овец, обмороженные, напуганные. После их капитуляции под Сталинградом собрались мы с моими бойцами в большой землянке. Там горела коптилка бензиновая из гильзы. И один солдат мне говорит: «Товарищ комбат, вы нам рассказывали, что стихи писали, когда учились на гражданке. А может, напишете о нашей победе под Сталинградом?» Я согласился. Они мне помогали, и мы буквально за час создали стихотворение. Его начало было таким:

Сталинград. Победа нам в огне досталась.
Легендарная «катюша» помогла.
По полям, лесам, болотам пробиралась,
По тропинкам узким каждого села.

Бойцы очень просили меня, чтобы я из него сделал песню. Исполнил их наказ я только в 60 лет.

После окончания битвы я оставался в Сталинграде еще около двух месяцев, чтобы добивать остатки войск против-

ника. Некоторые фашисты были такими упертыми, что даже в этих обстоятельствах не хотели сдаваться.

Самый опасный эпизод из тех боев случился, если мне не изменяет память, 7 или 8 февраля. Наша батарея по-прежнему размещалась в районе поселка Калач. К этому моменту небо над городом уже патрулировали наши самолеты, и мне доложили, что в трех километрах от нашей батареи в засаде стоят замаскированные немецкие танки. Я тут же послал туда батареиную разведку. Они вскоре подтвердили, что, действительно, немецкие танки в засаде. И тут меня вызывают на наблюдательный пункт штаба. Ну, благо он рядом, бегу туда. Там начальник артиллерии меня спрашивает:

– Ты уже в курсе дела?

– Да, – говорю, – моя разведка уже подтвердила. Немецкие танки в засаде.

– Хорошо. Тогда беги на батарею. Танки вечно стоять не будут, в конце концов они на вас пойдут. И ты имей в виду – выбор у вас один: жизнь или смерть. Гвардейцы твои – стойкие ребята. Можешь объяснить им, что находитесь в таком положении. Готовь поточнее данные. Но и технику готовь к взрыву.

Здесь надо сказать, у нас приказ такой был: если что – «катюши» взрывать, чтобы они врагу не достались. И в каждой машине у нас было взрывное устройство. Остается командир орудия в машине и шофер, держат машину на газу. Я своим заранее команду дал: в случае промаха все должны

уйти, отстреливаться. А командир орудия вместе с шофером должны были поджечь бикфордов шнур. Ну, он десять сантиметров в кабине, быстро горит. Коснулся огонь контактов – сразу взрыв и все взлетает в воздух вместе с теми, кто в машинах. И у нас уже все были готовы к этому. Я сам стоял возле первой установки. Если что, взорвался бы вместе с ней. Но умирать, конечно, не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.